

рассказы об обществе и о том, что в нем скрыто

Полина Зубкова

2024-08-21

Contents

Люди.

Глава 1.

Художник, который решил познакомиться.

Художник.

Художник был одиноким человеком.

Дело не в его характере. Художник чем-то болел и чем-то лечился.

Художник первый раз за двадцать лет шел искать знакомства.

И ведь нашёл.

Пройдя в любимое тихое кафе, он сразу услышал шум.

Люди за его любимым столом весело скакали с темы на тему.

Радовались.

Это чувство было художнику чуждо.

Подумав, что такова забава судьбы, он сел за стол. Конечно, к нему обратились с упрёком. Художник лишь что-то пробубнил себе под нос о том, что никогда ему не доводилось знакомиться.

А после покраснел.

Так он и был принят. Странно. Но чувствовал себя хорошо.

Не так, как в своей белой квартире.

Те согласились увидеться на выходных.

Потом на ещё одних выходных, и ещё одних...

Однако, согласился провести время с каждым отдельно.

Люди уже успели заинтересовать его.

Теперь его интересовал человек.

Глава 2.

Человек, который боится.

Первым художник узнал человека, который боится.

Но ни художник, ни человек не могли сперва понять, чего он конкретно боится.

Но говорит, что у него есть проблема: сразу после того, как начинал раскрываться кому-то, любить кого-то, дружить с кем-то, сам же и уходил. Говорит, что боится.

Конечно, было интересно, чего он боится.

А человек и сам не понимал.

Боялся ли он любви?

Нет, не боялся.

Боялся ли он людей?

Нет, не боялся.

Боялся ли он игрушечного крокодила?

Нет, не боялся.

А с крокодиллом у человека была интересная история.

Он любил своего крокодила. Сильно. Дружил с ним, так как больше не с кем. Привязался к нему, хотя думал, что стар.

А позже, он нигде не нашёл его.

И теперь он говорит, что боится.

Боится того, что всё будет так же.

Боится того, что любое взаимодействие так кончится.

Человек этого не понимал.

А он давно уже понял.

Человек перестал доверять.

Друзей у него не было, как и влюбленностей.

Возвращаясь домой после беседы с художником, человек нашёл крокодила.

Своего крокодила.

Никто бы не делал плюшевой игрушке цепочку на очки, никто бы не шил жёлтую майку, никто бы не шил большие штаны и не вышивал бы на них узор из треугольников.

Человек удивился.

Он пощупал свою находку, сидящую на скамейке.

И ушёл, оставив её.

Он больше не верит ему.

Он больше не верит никому.

Кроме своего страха.

Глава 3.

Человек, который бил зеркала.

Позже, художник узнал человека, который разбивает зеркала. Поначалу он подумал, что человек жестокий или ему некуда девать свою злость.

Возможно, так большинство и думало.

Художника заинтересовал экспрессивный человек, поэтому он пошёл к нему домой. Его адрес был известен. Никто о нём не

умалчивал.

Человек, который бил зеркала, впустил художника.

Дома у человека было темно, окна занавешены. Не было ни одного зеркала и ни одного осколка.

Человек был спокоен, даже мило предложил выпить чаю.

Человек включил свет на кухне, хотя на улице было ещё светло.

Человек налил чай в бумажные стаканчики с крышкой.

Художник спросил лишь один вопрос:

- Почему?

Но этот вопрос относился ко всему, что он видел.

Ответ поступил с задержкой:

- Чтобы не видеть своё отражение.

Темная комната с одной лишь лампочкой сверху.

На стене висят тысячи плакатов и одно зеркало.

Человек медленно проходил по комнате, разглядывая лица.

Одухотворенные, довольные, удивительные лица; улыбающейся, гримированные, прекрасные лица; живые, яркие, красивые лица.

Великолепные черты, отличная фигура, не самый низкий и не самый высокий рост, не длинные и не короткие волосы, не вульгарная и не закрытая одежда, не ужасная и не лучшая кожа.

Человек медленно подошёл к зеркалу.

Волосы длинные, но не короткие; рост высокий, но не низкий; кожа натуральная, но не лучшая; одежда закрытая, но не вульгарная.

Не до конца.

Не идеально.

Некрасиво.

Уродливо.

Человек разбил зеркало своим же кулаком.

Человек разочарован в себе, человек хотел быть обычным.

Человек хотел быть красивым.

Но он урод.

И у этого уroda в голове были тысячи и тысячи зеркал, в которые он смотрелся, и лишь один портрет.

Лишь один счастливый портрет человека, на которого он хотел быть похож.

Но то оставалось лишь в его сознании.

Художник прикрыл дверь.

Ведь это была спальня человека, который бил зеркала.

- Не уходи,- сказал человек,- Мне нужно новое зеркало.

Глава 4.

Человек, который тревожиться.

Художник узнал человека, который тревожиться. Человек был

крайне приятным и с ним было интересно разговаривать. В один момент прогулки, человек завертел головой, постоянно повторяя, что не выключил кран. Просил пойти домой, наматывая на пальцы черные нити из клубочка. Человек и художник пришли в человеческую квартиру, чтобы удостовериться, выключен ли кран. Кран был выключен. Чёрный клубок пришлось положить в карман. Они не стали никуда идти, а остались дома у человека пить чай. Кухня у человека была большой с настолько мягким ковром, что художник ступил на него босыми ногами. Человек всё время теребил свой чёрный клубок, навязывал его на пальцы. Он отпускал нити, когда художник говорил, и снова наматывал. Художник решил уходить и уже собирался. Человек испугался, очень испугался; стал наматывать нити и тяжело дышать. Тревога. Тревога окутывало его сознание чёрными нитями так больно, так сильно, так тяжело, что если бы сознание было человеческой конечностью, из него бы уже струйками лилась кровь. - Не уходи, — попросил человек,- - Мне тревожно. Художник переспросил: - Чего ты тревожишься? Тревога выжимала последние соки из человека. Он ответил: - Что никого не будет, а кран потечёт.

Глава 5.

Человек, который тонет. В этой компании был человек, которого не было на прогулках. О нем особо не говорили, лишь вскользь упомянули. Безусловно, этот человек заинтересовал художника. Он узнал адрес и вскоре стоял около дома. Художнику открыл дверь худой, бледный, усталый человек. Ничего не стоило ему говорить. Он давно уже понял. Человек зашёл в свою комнату, лёг в постель, пока художник ходил по квартире. Она была пустой. Ни мусора, ни тарелок на столе. Ничего. Квартира была пустой. Но не чистой. В ней было грязно. Пыль лежала пластом на полу, в углах, на поверхностях. Художник зашёл в комнату человека. Она была чуть ли не доверху наполнена водой. В комнате не было ни шкафа, ни стола. Лишь кровать, на которой лежал

человек.
Кровать плавала близко к потолку, в который смотрел человек
пустыми глазами.
В глазах ничего не отражалось.
Даже вода, которой становилось больше и больше.
Человек чувствовал, что тонул.
Человек ничего не мог ничего сделать.
Человек не мог пить, не мог есть, не мог спать.
Человек мог только лежать.
И смотреть в потолок пустыми глазами.
Человек не осознавал своего состояния.
Человек вообще ничего не осознавал.
И не чувствовал.
Человек не понимал ничего.
Лишь думал.
И мысли лились, лились на пол и до потолка.
Звонок в дверь.
Кто-то пришёл.
Художник заметил, что только что пришедший незнакомец
сразу направился к комнате человека с криками:
- Что опять такое?! Приберись хотя бы у себя дома.
Шлюпка оказалась рядом с кроватью человека.
- Ну что такое-то! Выйди хоть на улицу. Найди работу наконец!
Вторая, и третья, и четвёртая шлюпка...
С десяток шлюпок было около тонущей кровати.
- Ну! - незнакомец ждал, пока человек воспользуется одной из
шлюпок, но тот лишь продолжил сверлить потолок.
Незнакомец разозлился и ушёл.
Художник зашёл в воду.
Огромная водяная толща поглотила его.
Крики.
Оттуда слышались ужасные крики.
Слезы.
Слезы стояли в отельных баночках на полу.
Художник выпрямился и сказал:
- Это тебе не поможет. Я тебе не помогу. Тебе нужен другой.
Всё исчезло.
Всё.
И вода, и крики, и баночки на полу.
Пропало.
Лишь кровать упала на пол. А человек упал на руки художника.
Тот поправил мокрые волосы лежащего на руках, и шепнул ему:
- Ты в любом случае справишься.
Положив человека на кровать, художник собрался идти, когда
увидел еле заметное шевеление немых губ:
- Не уходи...

Глава 6.

Человек, который перегоняет боль.

Художник заинтересовался человеком, который любил переливать чай в воду. Сам человек был весёлым и его даже можно назвать душой компании.

Переливать одну жидкость в другую. Человек считал это своим хобби.

Однако, художник думал, что это мания.

Прогулка с человеком была приятной и забавной для художника.

Но к вечеру человек стал переживать.

Грустить.

Переливать чай в воду.

Когда ему становилось больно, когда ему становилось плохо, когда у человека был плохой день, когда человек вспоминал свои комплексы, когда человек думал о собственной ничтожности...

Тогда человек переливал чай в воду.

Вспышками.

Ведь отвечать злом на зло не было его принципом.

Он терпел всё, что с ним происходило.

И переливал чай в воду.

После чего он апатично выливал эту жидкость в окно.

И никогда не выпивал.

И человеку нравилось наблюдать за тем, как переливая чай в воду, вода становится чаем.

Художник никогда не видел подобных моментов с человеком, который любил перегонять боль.

Перегонять боль из души в тело, подобно чаю в воде.

Он лишь сейчас рассказал художнику об этом, заматывая руки бинтами.

Усмехнулся.

Расплакался.

И попросил:

- Не уходи.

Глава 7.

Человек в болоте.

Художник вышел на прогулку с человеком, которого называли ленивым. Человек и сам так себя называл и ругал себя за это.

Однако, от ругани лучше не становилось.

Когда человек возвращался усталый домой и начинал делать какое-то дело, оно переставало ему быть интересным.

У человека не было сил на эти дела.

И тогда он тонул в болоте.

Болото увлекало красотой ягод и уникальностью природы. Возможно, там водилась нечисть.

Однако, после глубокой заинтересованности, после того, как человек был затянут, в болоте становилось противно. Человеку думалось, что он проводит своё время впустую, находясь в болоте. Он бы сейчас пошёл в свой дом, помыл посуду.
Но он был в болоте.
И из него было трудно выбраться.
Практически невозможно.
Человек привёл художника на болото, чувствуя себя бесполезным. Художник спросил, где его дом.
И они вернулись.
Наконец-то, они вернулись.
Человек не стал предлагать художнику чай.
Человек стал работать.
Закрывать свои долги, убираться в своём жилище, готовить еду.
Человек был рад.
Он сделал то, что планировал.
Он сделал то, о чем его просили.
Он сделал всё.
И был чертовски горд собой, что когда художник собрался уходить, он радостно прокричал:
- Подожди, не уходи! Есть ещё время погулять.
Художник был рад.

Глава 8.

Человек, который любит цветы.
Самым нежным среди этой компании был человек, который любит цветы. Познакомившись с художником, человек собрал мешочек разных вкусов для пикника и повёл художника на свою любимую цветочную поляну.
Дошли они к вечеру.
С той поляны художник видел самый красивый закат в своей жизни. Пил чай, кушал корзиночки с клубникой, сидя под деревом напротив человека.
А рядом блестели белоснежные цветы.
Человек мог назвать тысячу причин, почему он любит именно эти цветы и чем они хороши, но пока что они вели диалог с художником на отвлечённые темы.
Человек подошёл к цветам, нагнулся и нежно расправил руки.
- Я вас люблю! - прокричал человек.
Цветы даже не шумели, и, конечно, не говорили.
- Я вас люблю! - вновь признался человек, улыбнувшись.
Ветер не шелухнул ни один цветочек.
- Я вас люблю! - человек задумался и спросил то, чего обычно не спрашивал у возлюбленных, — А вы меня любите?
Цветы молчали.

Не смели шуметь и говорить.
Человек внезапно понял.
Хотя художник давно уже понял.
- Я вас люблю... - процедил человек сквозь слезы.
Нет?
Неужели он не получит любви в ответ?
Неужели он способен только любить, но не способен быть любимым?
Человек сжался в слезах и в признаниях, как он любит цветы.
Может он сделал что-то не так?
Он ведь не смел их рвать, мять и топтать.
А цветок любви, который человек подносил ежедневно, был сорван и смят, втоптан в землю к другим погибшим цветам.
И кем он был втоптан?
Цветами.
Человек осознал только сейчас.
Художник обнял человека со спины.
Человек трясся.
Человек всхлипывал.
Человек глотал воздух.
Человек плакал.
Настолько ему хотелось чтобы его любовь с цветами была взаимной.
Но таковой она не была.
Погладив его по спине, человек пробормотал:
- Не уходи...
А после, надрываясь, сказал:
- Я всё равно люблю вас.

Глава 9.

Человек, которому больно любить.
Картежник сразу заинтересовал художника. Этот человек любил играть. В карты. С другими людьми, и с художником тоже.
Хотя за их прогулку человек ни разу не предложил сыграть.
По мнению художника, человек оказался гораздо интереснее и пугливее.
Человек пугался.
Человек боялся.
Человек не пускал художника в свой дом.
Художник задал лишь один вопрос:
- Почему?
Человек замешкался, отвечая:
- Потому что карточный дом упадет.
Человек долго строил свой карточный дом. Большой, на весь кухонный стол.

Каждый раз, когда кто-то приходил и пытался отпереть карточную дверцу, дом разваливался.
Каждый раз, когда человек делал что-то, что дому не нравится, дом разваливался.
Каждый раз, когда человек злился, грустил, переживал, дом разваливался.
Человек не хотел обидеть дом.
Человек не хочет, чтобы дом развалился.
Сознание, полное желаний жить, было заперто в клетке из игральные карт.
И каждый раз, когда клетка пытается развалиться...
Разваливается дом.
Карточный дом.
И клетка, склеенная страхом, вновь сдерживает сознание человека.
Человек схватил художника за руку.
И просидели так до темноты.
Молча.

Глава 10.

Человек, который не может без счастья.

Последняя прогулка была с человеком, который не может без счастья.
Никто не может без счастья. Но в понимании человека, счастье это рисовать слоников.
Однажды, человек погрузился.
И стал вспоминать детство.
В детстве человек очень любил слоников.
Погружённый в меланхолию, тот стал рисовать слоников.
Воспоминания накатили, подобно слезам на глазах.
Что-то сжалось внутри него.
Человек стал рисовать слоников каждый день. Чтобы чувствовать себя счастливым.
Человек жил в своём счастливом мире со слониками.
Человек перестал чувствовать счастье везде.
Человек был счастлив только когда рисовал слоников.
Это он и предложил художнику.
Весь человеческий пол был расписан разноцветными слониками.
Художник нарисовал большого слоника, больше остальных.
Слоник был синий и в очках. Тот сказал:
- Это уже большой слон. Он вырос.
Человек посмотрел на рисунок, потом на художника.
- Не уходи, — попросил человек, глядя ему в глаза, — Оставайся.

Глава 11.

Художник, который знакомился и не выдержал.

Узнав всех людей в небольшой-большой компании, художник возвращался домой.

Усталый.

Он не думал о том, стоит ли ему общаться с ними дальше или нет. Он слишком сильно проникся проблемами своих знакомых. Проблемой художника была скорее не мягкосердечность, а чрезмерная эмпатия. Проникновение в чужие проблемы глубже, чем в свои.

Художника трясло. Его руки дрожали, коленки подкашивались сами собой. Ломота в теле. Сердце ускоряло свой ритм.

Тревога.

Среди тревожных мыслей, художник схватился лишь за одну своим сознанием.

Художник вернулся домой.

В голове была лишь одна фраза, за которую он пытался цепляться ещё крепче:

"Уже полгода."

Чёрные и узкие нити тревоги обволакивали свет невинного сознания, превращая его в единый клубок, который едва светился.

Но и тот свет погас.

Он давно уже понял.

Художник с силой закрыл дверь на замок, стал плакать задыхаясь.

Не раздеваясь, тот прошёл сквозь единую комнату своей белоснежной квартиры на балкон. Достал тяжёлые вёдра, внутри которых была краска. Кинул на пол так, что дно каждого вёдра прорвалось и пол был полон разноцветных луж.

И тот стал расписывать стены.

Потому что о своей проблеме он никому не мог сказать; потому что ему сказали, что над такими смеются.

Потому что только стены могли узнать его.

И стены видели.

Чёрные нити так крепко сжали тот белый огонёк, что человек закричал.

Стены были в его боли, пол был в его боли, он сам был в собственной боли.

Поэтому его и называют художником.

Единственный мертвый.

Глава 1.

Ненавязчивое солнце.

Приятный и лёгкий свет окутывал улицу. Мягко лился по ней. По небольшим кустикам и по большому лесу, небольшим зданиям и большим домам.

По улице, которую она видела со своего балкона.

Каштановые волосы были покрашены в ярко-фиолетовый. Лишь одна белая натуральная прядь выбивалась из-за уха. Свежий воздух ласково подгонял всю массу волос.

Лёгкое белое платье билось о ноги, морозный воздух не вызывал мурашек.

Пусто на общем балконе.

Лишь пение птиц и запах сирени.

Ясные, большие, небесно-голубые глаза, в которых отражались улочки и лес.

Руки держатся за стенку, глаза распахнуты навстречу солнцу.

Душа распахнута навстречу неминуемому.

Душа распахнута навстречу судьбе.

Глава 2.

Слезы.

Кровоточащие порезы на руке.

На руке самого жизнерадостного человека в этой семье.

Сарказм, юмор, шутки.

И влюблённость.

Горячая, убивающая влюблённость.

Влюблённость, которой не должно быть.

Влюблённость, которой не может быть.

Влюблённость, которая сейчас не нужна.

Но она была.

И она жгла, сжимала, доводила до слез.

Заставляла кричать, заставляла страдать, заставляла думать.

К чёрту это!

Проще ведь нанести вред себе, проще ведь нанести вред своему сознанию, проще ведь нанести вред коже.

Ведь она всё равно зарастёт.

Проще ведь казаться миролюбивым и сильным.

Проще потерпеть, нежели признаться.

Да и кому?

Собственной сестре.

Проще переждать.

Это пройдёт.

Глава 3.

Глоток свежего воздуха из окна.

Раны были промыты собственными слезами и перебинтованы грязной простыней, которую тот случайно обнаружил в своём шкафу.

Сестры уже заждались его.
- Ну ты и капуша, Влад, — Вика, потрянув фиолетовыми волосами, похлопала брата по спине, — Опаздываем.
Вика всегда была серьёзна и педантична, особенно если дело касалось учёбы. А учёба была практически всей её жизнью. Довести до пятёрки историю, языки и обществознание; пойти в библиотеку, по литературе задали читать, а у нас дома нет книги, ты не видел разве? Подобных забот у сестры было в два раза больше.
Может где-то она и была занудной, однако её способности смеяться над собой и помогать другим не могло затмить ни одно занудство.
А он на её фоне просто парень по имени Влад.
Глупенький и жизнерадостный.
Чудный апрельский день.
Солнце уже грело по-летнему.
Подчинённые им лучи грели и ласкали макушки всех проходящих.
Путь до школы был похож на прогулку, несмотря на спешку.
Школьный день не представлял собой ничего необычного.
Звонок, тетрадь, конспект, шум в классе, записки, рисунки, вычисления в столбик на целую страницу, опять звонок.
Буфет, посиделки под лестницей, футбол бутылкой, баскетбол яблоком, запах замазки.
В общий чат прислали ответы.
Знать бы на что.
Голова начинала болеть от постоянного хохота друзей.
Звонок.
Куча информации, новых правил, новых законов и прочей теории, которые нужно записать, чтобы не забыть.
Перешептывание: "Что последним?"
Отвлекается на секунду от изучения, чтобы ответить: "Физика".
В этом вся она.
Только что-то безумно жгло в груди сегодня.
Перебирая в голове всевозможные болезни лёгких, горла и желудка, Вика остановилась на последней мысли.
Кулон.
Место, где висит кулон, редко болело. И болело только тогда, когда что-то такое случалось.
Когда прошлое хотело объявить о себе.
Когда прошлое хотело предостеречь от ошибок.
Когда прошлое хотело сообщить о чём-то.
Но пока что прошлое не сильно её беспокоило.
Пока что следовало жить в настоящем.
Опять звонок.
Разговоры с лучшей подругой по дороге до класса.
Разговоры с братом под лестницей.

Разговоры ни о чем.
Пустая болтовня.
Может только разговоры с Владом несли в себе что-то.
С ним было приятно проводить время.
Редко надоедал, был мягок и эмпатичен, напряжённую ситуацию разряжал шуткой, веселье доводил до абсурда. Не так много говорил о себе и не сплетничал как подруги. В разговорах брат был приятен, ненавязчив и мил.
Вика любила его.
Вика знает, что может его любить и хотеть.
Потому что он не был ей братом.
Потому что прошлое в кулоне это лишь дух.
Это призрак.
Мёртвой матери.
Но с ней всегда можно было поговорить, дотронувшись до кулона.
Конечно, последствия после такого разговора были так себе: ужасная головная боль и непонятные кошмары.
Сейчас она шла домой вместе.
Влад с ней.
Пытался помочь, поглаживая по больному месту.
Хоть и было неловко.
Развязанный шнурок, первые цветы на яблоне, отражение в луже.
Дом, мама Влада, обед, домашнее задание.
Прошлое не дремлет.
Прошлое терпеливо ждёт.
Не дожидаясь, зовёт к себе.
Вытаскивает девчачье тело в коридор, прижимает к стене, зовёт опекуна.
По прибытию второй матери с вопросом "Что случилось? ", выходит.
Выходит тётя Уля из соседней квартиры.
Выходит прошлое в виде женщины с густыми светлыми волосами, в белом платье, с большими голубыми глазами.
Призрак заговорил:
- Плохие новости, — дух начал говорить быстро, — Кто-то хочет занять моё место в этом кулоне. Скорее всего, муж. Её отец.
Крёстная, придерживая девочку, спросила:
- Кто он?
Ответ поступил незамедлительно:
- Преступник. Убийца, вор и мошенник. Если он пытается проникнуть, значит он умирает.
Молчание образовалось в коридоре.
Дух не стал пережидать и заговорил:
- Я не знаю, что будет, если он заменит меня в кулоне. Всё что

угодно.

Мать спросила:

- Ты не можешь узнать, где он сейчас?

Призрак задумался. Ласковый голос стал серьезней:

- Да, думаю, могу, — дух напрягся, — Могу. Вижу. Он на улице, на свободе. В этом городе. Под кустом сирени.

Мать задумалась и поблагодарила за информацию.

Прошлое возвращается. Возвращается в кулон.

Глава 4.

Вика проснулась на руках тёти Ули, в её же квартире. Голова раскалывалась, а завтра ведь ещё в школу.

Лёгкое благовоние дымилось на столе.

Рядом с ним стояла не горящая свеча. На деревянном и до боли знакомом стуле лежал рюкзак тёти Ули. Около него лежал мешок лимонных леденцов.

Тётя Уля была сладкоежкой. А ещё была крёстной Вики. Она была интересным и приятным человеком. Казалось, она знает всё на свете и на это всё имеет своё мнение.

- Воды? - женщина заботливо протянула кружку с кипячёной водой.

- Спасибо, — девочка жадно выпила воду.

Тётя Уля посмотрела с беспокойством, оставляя Вику полежать. Однако, у девочки были свои планы:

- Который час?

Крёстная посмотрела на часы:

- Около семи вечера. Но ты не волнуйся, в школу завтра можешь не идти.

Вика устало выдохнула, потому что знала, что убедить тётю Улю не получится. Крёстная лишь села рядом и положила её голову на свои колени.

Так она и уснула.

Весь следующий день девочка провела никак.

Она просто лежала на кровати крёстной.

Ничего не ела.

Ничего не пила.

Лишь заметила, что кончики волос стали белеть.

Выцветать.

Разумеется, днем ей стало полегче. Боль утихла, прежняя заинтересованность в мире вернулась к ней.

Однако, пятница.

Влад с нетерпением ждал окончания последнего урока.

А после побежал.

Побежал к своей любимой.

Он знал, что ей нехорошо.

Он знал, что ей могло стать лучше.
Но за один лишь учебный день он так соскучился по ней.
Что бежал, бежал.
И прибежал.
Ворвался в квартиру, схватил за руки, спросил:
- Как ты?
И получил взволнованный флегматичный ответ:
- Уже лучше. А ты как?
Влад медленно улыбнулся, неспешно сёл на кровать, произнёс:
- Тоже ничего. Просто... Погулять с тобой хотел.
Девушка укоризненно посмотрела на него, но он, предвидя всё
вопросы, спешил дать на них ответ:
- Знаю, ты не любишь гулять. Но я подумал, что лёгкая прогулка
будет полезнее и чем-то веселее, чем сидеть тут.
Вика поморщилась, поднимая глаза на юношу.
- И возможно даже чем-то веселее, чем очередной скандал с
Амелией, — добавил тот самодовольно.
Парень улыбнулся, а после покраснел, смутился, вспыхнул.
Отвернулся, выпустил руки девушки.
Вике было забавно всё это.
Совсем всё.
И смущенный брат, и предстоящая прогулка, которая будет
веселее скандала с Амелией; и непосредственно перебранка с
младшей по самой непонятной причине.
Амелия всегда находила причины.
Последней на её памяти стали её длинные каштановые косы,
которые младшая благополучно отстригла сестре.
Захотелось покрасить в фиолетовый новую короткую стрижку.
Чтобы не унывать.
- Идём, — девочка устало улыбнулась и поднялась с места.
Объяснять тёте Уле ничего не пришлось.
Она давно уже поняла.
Влад ей объяснил, влетая в квартиру.
Свежий воздух, листья, цветы.
Небольшая влага.
Разговор ни о чем.
Вопросы: "Что было сегодня на истории?"
Далее ответы.
Длинные.
И снова ни о чем.
И снова: "А как там моя подруга?"
И снова: "А ты как себя чувствуешь?"
И снова непреодолимое желание взять за руку эту девушку.
И снова место, где висит кулон, упорно жжёт.
Сильно жжёт.
Странный человек из-за куста сирени почему-то обращает на

них внимание.
Подходит.
Вертит кулон.
Смотрит в глаза Вике.
Улыбается.
Ухмыляется.
- Не узнаешь отца?
Впросительные взгляды.
Недопонимание.
- Ну же, я перед тобой.
Как он узнал о её существовании, внешнем виде, местоположение и имени не беспокоило Вику.
Как и побелевшие в момент волосы.
Беспокоило лишь то, что делать дальше.
Что будет дальше.
И что с этим дальше делать.

Глава 5.

Неугомонное сознание не интересовалось вопросами.
Никакие больше вопросы не интересовали его.
Оно знало, что человек способен на всё, что захочет.
А чего он хочет?
Единственный вопрос, который заинтересовал сознание.
Да и он был отброшен.
Чувства нахлынули на холодный рассудок.
Жгучая ненависть образовалась.
Обосновалась.
Не в сознании.
В душе.
Никаких, никаких слов.
Молчание.
И жгучая ненависть.
Хоть бы он...
Потерялся, ушёл.
Погиб.
А не смотрел бы с этой надменной ухмылкой на неё.
Снова:
- Абсолютно белые волосы, — мужчина накрутил прядь девочки на палец, — Мой оттенок. Не материн, мой.
Она хотела разрубить его своим взглядом.
Своим тяжёлым, невыносимым взглядом.
Жгучая ненависть это не злость.
Это не крики.
И не лёгкое презрение.
Это ужасно тяжёлое чувство, что свинцовыми пластинами оседает в задворках души.

Сознание не помогает избавиться от этой тяжести.
Лишь усугубляет.
Свинцовые пласти, которые горели огромным пламенем.
И никогда бы не потухло.
Никаких слов.
Никаких криков.
Лишь свинцовый взгляд.
Горящий взгляд.
Испепеляющий взгляд.
Он не был злым.
Он не ждал азартного ответа.
Он не был полон презрения.
Он был полон чистой ненависти.
Тяжёлой и горячей.
Жгучей.
Брат обнял в момент.
Надел на холодное тело девушки свою чёрную толстовку.
Успокоение в тепле.
Не в огне.
Сцепились за руки.
Слегка успокоились.
Ответила Владу:
- Пойдём другим маршрутом.
Улыбка на соседнем лице.
Ответ:
- Идем, конечно.
Вроде полегче стало.
Вроде тот свинец всё ещё в задворках души.
Вроде и грудь больше не жжёт.
Вроде полегче.

Глава 6.

Его тёплая рука сжимает её холодную руку.
Его тёплая толстовка на её замерзающем теле в белом платье.
Его тёплые слова:
"Всё хорошо",
" Я рядом",
"Идём в кофейню".
Всё согревало лучше, чем тот же самый кофе, стоящий перед ней.
Сердце таяло.
Превращалось в лужицу.
Тепло, которое он так хотел выразить.
И смог.
Теперь смог.
Теперь носил на руках, сажал на качели.

Смех.
Долгожданное тепло в ответ.
Улыбки.
Веселье.
Возвращение домой.
Спокойно.
Единственное удивление насчёт белых волос.
Но потом она объяснила.
Всё она объяснила.

Глава 7.

Несколько дней дух матери ещё являлся с предупреждениями.
Вика не знала о них.
Ей было бы приятнее, если бы отец умер.
Но убивать не было в её принципах.
Она считала убийство большим, чем грех.
Никто не имеет права лишить даже самого ненавистного человека жизни. Как и сам обладатель своей человеческой жизни.
Сегодня почему-то в чёрных кожаных штанах.
Рубашка почему-то тоже чёрная.
Что-то тянет к кусту сирени.
То, чего уже нет.
То, что завладело разумом.
Присвоило чужую судьбу себе, хотя не имело на это права.
Ему плевать на права.
Он уже лишал людей жизни.
Лишит и её.
Оно присвоило чужую жизнь себе.
И распоряжается ею.

Глава 8.

Влад начал думать, что куст сирени стал их местом встречи.
Однако, сейчас он больше не мог терпеть.
Не мог терпеть той обременяющей мысли, того обременяющего чувства.
Тех слов, которые он хотел сказать:
"Я люблю тебя. Сильно. Может, это не совсем правильно..."
А потом его фантазия начала играть с ним.
Варианты продолжения были самыми разными.
И произносились лишь перед зеркалом в ванной.
Шёпотом.
Что нагружало его.
Что делало бремя еще тяжелее.
Что заставляло сделать физическую тяжесть своей боли.
Заматывать от чужих глаз.

Ведь свою боль он предпочитал видеть наедине.
А когда она приходила в ненужные моменты, он её прогонял.
Возможно, в эту подругу Влад влюбился ещё пуще, чем в сестру.
И сейчас он решил начать отношения.
Пока не знал с кем.
Либо с Викторией.
Либо с болью.
Одарив чудесную сестру в чёрном красными розами, тот отступил и начал уже заученное наизусть:
- Слушай...
Девочка прижала букет, выжидая.
- Я люблю тебя. Сильно. Может, это не совсем правильно...
Но договорить он снова не смог.
Не потому, что не придумал.
Не потому, что убежал.
Не потому, что испугался.
Лишь потому, что никак не ожидал резкого и глубокого поцелуя.
С полностью красного лица стекал пот.
Ответ:
- Дурашка, ты же видел моего отца.
Трясущейся голос:
- Да...
Уверенный ответ:
- Значит, я не твоя сестра. Это же не твой отец, а мой.
Влад задумался. Покивал.
Снова задумался.
Понял.
Удивился.
Обнял.
Вернулись домой.
Тёплый свет.
Кружка чая.
Кухня. В их квартире.
На кухне тётя Уля.
Мама спит.
Амелия гуляет.
- Значит, она мне говорит: "ну ты видел моего отца! " А я ей:
"ну да, видел." Так она мне говорит: "так это не твой отец,
дурачина, а мой." Я не понял, а потом как понял!...

Глава 9.

Почему-то Вика выходит ночью на улицу.
Сознание не контролировало действия.
Сознание было подвластно неведомой силе.

Отец.
Он воплощал свои идеи в дочери.
Он сменил мать в кулоне.
Он управлял телом.
Он видел знакомое лицо.
Говорил убить.
Убить?
Невозможно.
Никто не имеет права лишать человека жизни.
Даже если он виноват.
Чувства были выше холодного рассудка.
Холодный рассудок был подчинён.
Голосом.
Из кулона.
Никто не должен быть убитым.
Пленённый холодный рассудок говорил, что должен.
Но холодный, даже захваченный рассудок, был в приоритете.
Нельзя думать чувством.
Нельзя сказать "нет", потому что чувствуешь.
Нельзя доверять чувствам.
Нельзя обращаться к тому, что было выше рассудка.
Она доверилась рассудку.
Захваченному.
Говорящему.
Темнота.
Мёртвое тело.
Кровь на руках, кровь на белых волосах, кровь на чёрной одежде.
Первая кровь была пролита.
Начнется война.
Война кулона и девочки.
Война захваченного рассудка и светлого чувства.
Война с самим собой.

Глава 10.

Влад сидел на крыше. Это было его любимым местом. Самые красивые закаты можно было увидеть с крыши их многоэтажки. Иногда ему нравилось садиться на самый край и смотреть, как ярко-красная банка газировки падает вниз. Ему нравилось смотреть, как ветер раздувал грязные белые шнурки на тёмно-синих кедах, за которыми была мгла. Ему нравилось наблюдать за тем, как солнце оставляет свет на небе, а само закатывается за горизонт, прощаясь. Ему нравилось ждать Луну. Ему хотелось сидеть здесь с Викой. И в этот раз он позвал её. Выйдя из комнаты, девушка прошла за ним и увидела великолепный

панорамный вид на деревья, дома и небо.
Газировка в ярко-красной банке, тёмно-синие кеды и её босые ноги.
Объятия со спины.
Разговоры наполнены смыслом.
Он показывает ей жизнь.
Он показывает вид с крыши, а не только с балкона. Ведь с крыши можно увидеть больше.
Тёплые слова.
Уже собираются уходить.
Внезапно приходит сестра.
Амелия.
Амелию никто не заметил.
Она подошла, и, напугав Влада, пихнула с крыши.
Окна пролетают перед глазами.
Жизнь пролетает перед глазами.
Всё пролетает перед глазами.
И разноцветный закат, и тёмно-синие кеды, и ярко-красная банка.
И Вика.
А дальше темнота.
Многообразие разных видов больше не являлось ему.
Темнота.
Глаза отдыхали.
Тело отдыхало.
А потом ничего.
Смерть.
Ненужная смерть посреди войны вносит свои коррективы.
Никто не имеет права лишать человека его жизни.
Никто.
Даже он сам.
Чувства стали вершить захваченным разумом.
Слезы.
Кровь.
И любовь.
Сердцу больно.
Внутри больно.
Тому, что над разумом, больно.
Как же это невыносимо.

Глава 11.

- Я не буду.
Чувства победили в войне.
В войне, которой никто не ждал и никто не хотел.
Смерть это больно.
Это невыносимо.

Ей не хотелось делать невыносимо остальным.
Это только её проблема.
Она не должна переносить свои проблемы на других.
Хотя возможно эта привычка была отчасти наследственной.
Никогда.
Никогда больше не будет убивать.
Это её клятва.
Она не смеет отбирать у человека то, с чем он родился.
Чувства победили в войне.
Агрессивно выкинув с крыши кулон, Вика почувствовала освобождение.
- Я никогда не буду это делать.
Она легла в кровать и уснула.
Тело победило и чувства, и разум.

Глава 12.

- Здравствуй, мама. Как ты там? Я вот паршиво. Вместо школы плохие дела делаю. Почему ты ушла из кулона, мама? Кто-то как будто подчинил меня, заставлял меня это делать. Мама, я пришла раскаяться. Глупо говорить, что это не моя вина. Разумеется, мне нужно было знать ситуацию. Думать на два, нет, на сотню шагов вперёд. Но я не знала. И теперь раскаиваюсь. Я убила человека, мама. Его тело должно быть уже в сырой земле. Но я не знаю ни его имени, ни фамилии. Я избавилась от отца, как могла. Да, я выкинула твой кулон. Но я принесла тебе новый. Умоляю, мама, прости меня.
Мама,
вернись.
Пожалуйста.
Женщина с длинными волосами появилась перед девочкой, погладила её по голове.
Поселилась в кулоне.

Где я.

Глава 1.

- Гнусный город на болоте.
Серый сигаретный дым прошедшего мимо мужчины смешался с её кофейным дымком.
Серое небо, серые дома, серая Нева.
И дымка серая.
Ничего не грело.
Даже паршивый кофе.
Она не любила этот город.
Она шла и ворчала себе под нос, возвращаясь с работы.

Нет, ничего не грело.
Ничего не проникало внутрь, подобно солнечному лучу.
Ничего.
Только серый дым.
Она даже не знает, кто она.
Она даже не знает, что ей нужно.
Она ничего не знает.
Она давно это поняла.
Утирает вечный насморк найденной в кармане плаща салфеткой,
выкидывает стакан, большие ноги в чёрных сапогах по
щиколотку расстегивают нижнюю пуговицу длинной клетчатой
юбки.
Плащ доставал лишь до бедра.
Стуканье каблучков.
Потряхивание рыжих волос со ржавым оттенком.
Холодные на ощупь ключи, суровый взгляд.
Возвращается в квартиру, обдумывает.
Как бы ей не хотелось больше видеть серого петербургского
неба.
Как бы ей уехать южнее.
Как бы ей хотелось увидеть чудесный, дивный мир.
А не серый город.
Город Санкт-Петербург.

Глава 2.

Единственным привлекательным тут были люди.
Безусловно, она и являлась их массой; однако, люди, которые
приходили к ней, видели какие-то чудесные миры после
разговоров с ней.
Ира была уверена, что эти люди всего лишь наркоманы.
И единственная вещь, которая веселила её в этом городе.
Очередной старый знакомый звонит в дверь.
Ноги, уже в тёплых носках, снова расстегивают край клетчатой
юбки.
Ира снова наливает чай, Ира снова садится и слушает о
прекрасных мирах.
О странных островах, которые горели.
Которые наполнены травой.
И ещё какие-то. Она не особо вслушивалась.
Почему именно после разговоров с ней?
Она не знала.
Она после разговоров с собой не видела ничего.
Пустоту.
Серость.
Место, которое она не любила.
Город Санкт-Петербург.

Но не может же каждый проходящий быть наркоманом, чтобы рассказывать ей об этом?

Ира уже думала об этом.

Санкт-Петербург.

Глава 3.

Почему все видят эти миры, а она не видит?

Почему эти люди обращаются к ней, когда она сама с собой не может поговорить?

Почему она вообще так мало говорит?

Почему она забывает о своих желаниях?

Почему она делает вид, что все хорошо?

Почему она лжет?

Почему она не смотрит на себя?

Почему она не уважает свои мысли?

Почему она ничего не хочет?

Почему она в апатии?

Почему она плачет?

Почему она громко смеется, почему она редко радуется?

Почему она никогда не перестает думать?

Почему она нервничает?

Почему ей нужно сжимать руки, когда она нервничает; почему

ей нужно расстегивать ногой последнюю пуговицу юбки; почему

ей нужно прятать руки под подушку, когда она засыпает?

Почему она не работает там, где хочет?

Почему она рыжая?

Почему у неё длинные ноги, почему у неё карие глаза?

Почему ничего не идет?

Почему даже общение у неё не идет так, как ей хочется?

Почему она не видит эти миры?

Глава 4.

Ира без какого либо интереса снова поднималась.

Снова собиралась на работу.

Снова ничего интересного.

Только какое-то раздражение.

Снова нога расстегивает последнюю пуговицу на юбке.

Снова заваривает чай.

Снова кто-то звонит в дверь.

"Очередная невнятная личность по папиной линии", — Ира встала, открывая дверь и окидывая взглядом стоящую перед ней девчущку, — "Или по маминной."

- Здравствуй, — невысокая девушка в тёмно-коричневом свитере говорила чистым как стекло голосом, — Ты, скорее всего, не помнишь меня? Мы учились в одном классе. Я решила навестить тебя... Одно время мы неплохо дружили.

- Напомни своё имя, пожалуйста.
- Арина, — девушка в тёмных очках мило улыбнулась.
- Помню, — Ира стала заваривать ей чай, — Проходи.
Она была худенькой, бледной, белесой девушкой. Её ребра можно было почувствовать руками, даже если желания потрогать её не было. Волосы белые, тонкие. Неясно было, зачем ей тёмные очки, ведь солнце не светило. Но когда девушка их сняла, подняв к макушке, то из-за белых ресниц показались такие же белые глаза.
Слепая.
Ире не хотелось нянчиться с ней, однако спустя несколько минут диалога, она поняла, кто еще с кем будет нянчиться.
Арина понимала больше.
Чувствовала больше.
Ощущала больше.
Знала больше.
Пожалуй, не только больше чем Ира.
Больше, чем кто-либо другой.
Больше, чем все.

Глава 5.

- Как думаешь, как выглядит твоё мышление?
Ира закрыла глаза и перед ней была пустота.
Белые комки тревог.
- Ничего и белые комочки.
Арина схватила её за руку.
- Давай их распутаем?
Она стояла в темноте.
В руках белый клубок.
Арина стояла напротив неё.
В руках белый клубок.
- Давай.
Арина потянула за нитку.
У Иры болела голова, но она разматывала клубок.
Дивный мир.
Из треугольников.
Тысячи треугольных станков делали другие треугольные станки.
Другие треугольные станки делали треугольники.
И складывали в треугольную коробку.
Ни людей, ни животных.
Только чистое небо.
Возможно, один станок стал работать быстрее других.
Это нормально.
- Смотри, — Арина указала на треугольную коробку, — Мне кажется, что это твои желания и мысли. Смотри, они делаются постоянно.

Ира взяла один треугольник в руки:
- Бред какой-то, — она вздохнула, — Я ничего не хочу. И идеи у меня ненужные. Глупая я.
Арина посмотрела на коробки и провела девушку дальше:
- Идем.
Пройти пришлось немало, так как станков тысячи.
Но они пришли.
Пришли, открыли двери.
Темный склад.
Темный склад был полон треугольных коробок.
Треугольные коробки были полны треугольников.
Тысячи коробок покрылись пылью и плесенью. Те, которые не стояли на треугольных полочках, стояли на полу. На полу стояли они.
Все умещалось в белую нить.
И тысячи коробок, и тысячи станков, и тысячи треугольников.
Перед тревогой все равны.
Арина замотала нить.
- И этот мир ты не принимаешь?

Глава 6.

Арина стояла перед ней, готовая уйти, пока она не крикнула:
- Развязывай.
- Зачем?
- Идем на склад.
Последние недели три Ира вместе с подругой делали правда странные вещи.
Но правда приятные вещи.
Смотрели все фильмы, которые хотели; увлекались тем, чем хотели; пробовали все, что хотели.
Они шили, вязали, сочиняли колыбельные друг другу, слушали Моцарта, слушали Земфиру, слушали Бритни Спирс, слушали тяжёлый скандинавский металл; читали столько книг, сколько не читали в своей жизни. Ходили в кино на последний сеанс, спали по четырнадцать часов; делали вид, будто они влюблённая пара в ссоре, кидались друг в друга цветами; делали вид, будто они влюблённая пара в ожидании ребенка и придумывали ему имя.
Они веселились.
Они грустили.
Они злились.
Они нервничали.
Они чувствовали.
Столько, сколько не чувствовали за всю свою жизнь.
Склад был пуст.
Лишь скромный десяток коробок оставался там.

Иногда коробки ещё появлялись.
Но иногда уходили.
Работа грузчиком все-таки немного утомляла Иру.
Склад был чист.
Они стояли друг напротив друга с большими клубками.
И улыбались.

Глава 7.

Они снова стояли в темноте.
Белые клубки пришлось кинуть в пустоту.
Арина прошла дальше.
Прошла, побежала, схватила за руку Иру.
Побежали вместе.
- Куда бежим?
Арина не отвечала.
Она схватилась за край темноты и одернула, подобно шторке.
Под ними открылся зелёный мир.
Разные растения регулярно росли и увеличивались в своих размерах каждую секунду.
- Твоё неугомонное сознание.
Арина не стала замедляться, схватила Иру за руку и побежала.
Ира спросила лишь одно:
- И когда ты разговариваешь со мной, ты видишь это?
Девушка замедлилась, обернулась.
Улыбнулась, кивнула.
Побежали дальше.
Пока бежали, тысячи цветов и деревьев успевали вырасти.
Арина привела её.
- Центр.
Запыхалась.
- Центр мира.
Пустая поляна.
Даже травы не росло.
- Твоё неугомонное сознание. Постоянно растёт.
- А на деле ничего? - спросила Ира.
Арина поморгала слепыми глазками.
- Видимо.
Ира задумалась:
- Ну и зачем это цветущее сознание, если на самом деле ничего?
Арина села под дерево, все еще тяжело дыша.
- Ты как всегда.

Глава 8.

- Вспомни.
Ира оглянулась на подругу.
- Вспомни все, — сказала та.

- Постараюсь.
И она вспомнила.
Вспомнила ложь, вспомнила предательство, вспомнила обман.
Вспомнила одиночество.
Вспомнила неприязнь, вспомнила отвращение, вспомнила
брезгливость.
Вспомнила приходящую радость.
Слепую радость.
Радость была к ней слепа.
Обходила стороной.
- Где я среди этого?
Она была слепа.
Слепа к себе.
- Где я?
- Здесь.
Из почвы выглянул маленький цветок.
Небесно-голубой цветок.
- Твой опыт.
Цветочек рос крайне медленно по сравнению с окружающими
его растениями.
Но он рос.

Глава 9.

Они подошли к краю травяного мира.
За облаками белело место, что Арина хотела показать подруге.
- Будем прыгать.
Ира округлила глаза:
- Прямо на остров?
Светлые ресницы поверх слепых глаз устремились на неё.
- Хотя бы на облако.
Ира уводит её подальше.
Она чувствует:
- Прыгай.
Она чувствует странным чувством.
Непонятым.
Шестым.
- Я держусь, Ир.
Прыгнули.
На облако.
Плотное.
- Мы долетим?
- Нет, прыгай на другое.
Скачет по облакам.
На всякий случай берёт Арину на руки:
- Ты в безопасности.
Арина пригрелась на руках подруги.

Говорит:
- Последний прыжок и мы на месте.
Не смогла.
Не допрыгнула.
Слепая девушка еле держится на скользкой от пота руке.
- Куда мы упадем? - спросила Ира.
Девушка закричала:
- Не знаю! Держись, я взберусь.
И правда взобралась.
Протягивает руку.
Встали.
Взволнованные.
Спрашивает:
- Идем? Должно быть, душа.
Ира встала.
Схватила за руку Арину.
Прибыли.
Вечный дождь.
Густой лес.
Пасмурно. Солнце никогда не выходило в этом мире.
Зелёный пригорок.
На нём дом.
На крыше синий цветок.
Зашли в дом.
Пусто.
Темно.
Лишь один свинцовый лист горел.
- Это ненависть.
Нашли ещё листы.
Идут на крышу.
- Что это за цветок?
Цветок был похож на тот, который они видели в прошлом мире.
- Доброта.

Глава 10.

- Вспомни.
Ира не стала спрашивать, что конкретно вспомнить.
Она давно уже поняла.
Она вспомнила всех, кого ненавидела.
Первую любовь, отчима, предавшую подругу.
Школьного учителя, одноклассников, однокурсников.
Себя саму.
Себя саму три года назад, себя саму через пять лет.
Себя саму сейчас.
Она всех простила.
Всех.

Первую любовь, отчима, подругу.
Школьного учителя, одноклассников, однокурсников.
Себя саму.
Себя саму три года назад, себя саму через пять лет.
Семя саму сейчас.
Дождь не прекращал идти.
Свинцовые листы лежали пеплом.
Дом был снесен.
Большой синий цветок был посажен на пригорок.

Глава 11.

- Прыгай.
Ира оглянулась на подругу, которая улыбалась слепыми глазками.
- Снова будем скакать по облакам?
Арина хихикнула:
- Нет.
Она взяла Иру за руку, подойдя к самому краю мира.
- Мы будем падать.
Они полетели.
Вниз.
Расцепив руки, светловолосая, бледная, слепая Арина раскинула лёгкие ручонки.
- Смотри! - радуется она, — Я птичка! Я лечу как птичка!
Испуганная Ира закивала головой.
- На какую птичку я похожа?
- На чайку, — тревожно прокричала Ира, — На самую белую чайку!
Арина улыбнулась, продолжая подражать птичке.
- Когда мы уже упадем?
- Не скоро, — Арина расслабилась.
- Куда мы упадем?
- Сама не знаю.
- Предположи! - Ира тревожилась. В основном за подругу.
- К эмоциям.
Рассекая руками пустоту, она попросила Иру сказать ей, когда будет видна земля.
И Ира закричала:
- Вон там! Что-то горит! Мы туда падаем!
Ира схватила слепую подругу за руку и они упали.
В огонь.
Но он совсем не был жгучим.
Лишь теплом проходил по коже.
Арина сидела в огне, поджав под себя ноги.
- Эмоции, говоришь? - Ира прижалась к ней, — И что это значит?
Арина встала.

Стала ворошить огонь.

Куча венков, букетов и трав под огнём.

- Посмотри, — Арина протянула горящий венок подруге.

Девушка ощупала горящую массу.

- Венок.

- Нет, — Арина легла под сгорающим деревом, — Это твои эмоции. Ты их сожгла.

Глава 12.

- Какого черта! Как нам отсюда уйти? Мне не нравится, — Ира возмущалась себе под нос, ходя по горящему лесу.

Одна.

Без Арины.

Она спала под каким-то деревом.

А Ира ворчала, злилась.

Опустошала душу.

В один момент она заметила, что злится.

В один момент она дошла до точки, с которой начала путь.

Она старалась не злиться.

Она старалась погасить.

Но горело ещё хуже.

- Ты злишься, — Арина обняла девушку со спины, — Это хорошо.

- Что же в этом хорошего? - Ира вспыхивает, оглядываясь на подругу.

- Что ты можешь позволить себе позлиться, — Арина улыбнулась, переходя на шепот, — Это же чудесно.

Ира задумалась:

- Да, пожалуй... Чудесно, — она была смущена и немного обеспокоена, — Я не так часто злюсь.

- Ну вот, — Арина вжалась мягкой щекой в спину девушки, — Хорошо, что ты позлилась.

- Хорошо, — Ира посмеялась, — Не могу отрицать.

Арина ясно улыбнулась.

Вообще с такой улыбкой она была похожа на ангела.

Она погладила дракона по голове, спрашивая Иру:

- Как думаешь, плакать тоже хорошо?

Ира завязала рыжие волосы в хвост:

- Да, думаю...

Дракон мило урчал от прикосновений нежных рук.

- А когда ты последний раз плакала?

Ира выдержала паузу.

- Не помню.

- Ты думала, что плачут только слабые, так? Не бойся. Это тоже хорошо.

Ира задумалась:

- Может поплакать?

- Может. Это же хорошо.
Кажется, остров перестал гореть.
Кажется, они снова упали.
Теперь под воду.

Глава 13.

Да, они правда провалились под воду.
Голубая вода отблескивала персиковым.
Она видела своё отражение везде.
Постоянно.
Арина не видела.
Арина вообще ничего не видела.
Но казалось, что Арина видела больше неё.
Все эти миры.
Все эти места.
Ира бы их не увидела.
Она видела лишь своё отражение в воде.
Ей не нравилось.
Рыжие густые волосы, мешки под пустыми карими глазами.
Нет, она определенно была рада, что Арина не видит то, как она выглядит.
- Тебе лишь нужно принять каждый кусочек своего тела.
- Это сложно, ты знаешь?!
- Знаю.

Глава 14.

Да, сложно.
Но и она сильная.
Проникнуться любовью к тому, что никогда не планировала любить.
Нет.
Она может только простить.
Простить себя, за то, что не любит.
Прощает.
Но не любит.
- Знаю, — Арина продолжила, — Знаю, поэтому идем отсюда.
- Посмотри в окно. Там снег.
Ира вгляделась:
- Да.
- Тебе нужен был год, чтобы увидеть миры. Ты осознала проблему, ты сможешь идти дальше.
Ира заморгала глазами.
- Всеми своё время.
- Почему не сейчас?
Арина оглянулась, хватая подругу за руку.
- Потому что пока что ты не можешь. Потому что пока что ты

можешь только простить. Это нормально. Нет идеала и никогда не будет. Не спорь с самой собой.
Ира вновь поморгала глазами.
Осмотрелась.
Она была на своей кухне.
Перед ней кружка чая и Арина.
Она улыбалась.
По-ангельски.
- Что это было?..
Арина схватила девушку за руки:
- Ничего. Мы просто целый год жили вместе. Ты возвращалась с работы и мы болтали, как сейчас. О чем ты?
Ира окинула ее презрительным взглядом.
- Ты тоже увидела миры. Небольшое путешествие.
- Благодаря тебе.
Арина хмыкнула, потирая шею.
Ира продолжала:
- Если бы не твои разъяснения, я бы совсем растерялась. Спасибо тебе.
- Не забывай, — слепая девушка насупилась, — Что все эти места закупорены во флакончики моих слов. Что вся твоя боль закупорена во флакончики моих слов.
Ире было невдомек, что это за слова, но Арина тут же вывела её на улицу.
Бог знает, что её туда повело.
Они стояли лишь в бадлонах, длинных юбках и тапочках.
Снег.
Снег искрился в свете восходящего солнца.
Снег был самых разных цветов.
Снег блестел.
Снег ложился на их плечи и тут же таял.
Жаль, что Арина этого не видела.
Хорошо, что Арина захотела, чтобы она это увидела.
Ведь это было самое красивое зрелище, которое было в её жизни.
Самое красивое зрелище.
В самом красивом городе.
Город Санкт-Петербург.
Сапожник, скрипачка и чудо

ГЛАВА 1

Недовольство.

Жуткое.

- Если ты будешь хорошо себя вести, то мы пойдем есть пирожные.

Эта фраза была единственным, хоть и небольшим успокоением для упрямого мальчишки.
Концерт.
Скучный.
Неинтересный.
Но тот сидел смирно.
Аккуратно зевал в маленькую ладошку.
Думал о своём, глядя на сцену.
Пока в один момент не услышал.
Мелодию.
Скрипка разбавляет тишину волнением.
После, волна тревоги накатила на него.
Музыка её передавала.
Волны накатывались и накатывались, пока не начался шторм.
Тишина.
Прекрасные мотивы стали успокаивать, приводить в чувство всех, кто увидел шторм.
Мелодия как будто обнимала, как будто гладила по ушам, как будто целовала в лоб.
Как будто смахивала слезы с глаз.
Как будто говорит ему:
"Эта тревога останется между нами. Я про неё никому не скажу. Я никому не скажу, что нам было больно."
Улыбается.
И уходит.
Говорит напоследок:
"Не жди меня. Тебя ждут пирожные."
Ушла.
Появились хлопки зрителей.
Мальчик все еще сидел в шоке.
Кто ему это сказал?
Точно не мама.
И не сидящие рядом девушки.
Голоса он вообще не слышал.
Он слышал только флейту, фортепиано и скрипку.
Может это они ему сказали?
Он давно уже понял.
Мелодия говорила с ним.
Создала настолько крепкую связь, как будто они друг друга знали уже давно.
- Мама, а что это за музыка?
Мама удивленно взглянула на сына:
- Не знаю названия.
Так и не узнали.
Но за всю свою жизнь он не увидел и не услышал ничего более доводящего до мурашек и слез, ничего более прекрасного и

цветущего пуще весны.
Ничего более.
Просто мелодия.

ГЛАВА 2

- Здравствуйте! - Аркадий подскочил к зашедшему клиенту. Тот, поздоровавшись, стал детально описывать поломку его обуви. Мастер крутил каждый сапожок в руках, говоря о сроке починки и его задержке, вздыхая: "Ой-ой-ошеньки..."

На всякий случай дал свой номер телефона и распрощался с клиентом. Кажется, эти ботинки стали чуть ли не последними, которые Аркадий планировал залатать. На данный момент он чинил застёжку на детских туфлях, а позже... А позже и так очень много работы. Так что к этим сапогам он прикоснется снова через пару дней.

Высокий, черноголовый, с большими и светлыми глазами, он обернулся посмотреть, кто вошёл.

- Еся! - он обрадовался вошедшей девушке, — Снова просто поговорить или с твоими туфельками что-то приключилось? Девушка весело дёрнула веснушчатым курносый носиком, заправила за ухо прозрачный пушок волос, который выбился из общей прически, напоминающей корзиночку.

Есения заулыбалась, одернула жёлтое платье:

- Я пришла тебя угостить, — она протянула Аркадию коробку. К сожалению или к счастью, не обувную.

Он открыл её и увидел овсяные печенюшки.

- Сама испекла? - он повертел одну в руках.

- Да, — она улыбнулась яснее неба и ярче солнечного луча.

Он легонько обнял её на радостях, показывая свою лучезарную улыбку лишь её плечу:

- Спасибо тебе!!

Еся промолчала, смущенно дёрнув носиком.

- Как ваш оркестр? Ты еще играешь в нём?

- Да, — она поджала губы, — Но сегодня выдалась возможность увидеть тебя. Может...

- Слушай, Еся, — Аркадий начал предложение тихо, — Не хочешь погостить сегодня у меня?

Бледные пальцы девушки соскользнули с его плеч.

- Конечно.

Светлые глаза поймали удивленный взгляд администратора практически за самой спиной черноволосого.

- Конечно, я принесу тебе мои туфли. С ними правда что-то... Приключилось. Я так и не поняла, что же с ними приключилось, но у меня скоро концерт, и...

- Конечно-конечно, Еся, — он закивал головой, — Приходи, буду рад тебя вновь увидеть.

Она улыбнулась так же ясно и ярко.
Ушла.
Очень мелодично.
Еся была больше, чем лучшей подругой. Но парой они не являлись.
Ведь она была самым близким человеком.
Они не были вечно ссорящейся парой или счастливыми старичками в браке.
Они были гораздо и гораздо ближе.
Ближе, чем кто-либо ещё.

ГЛАВА 3

- Совершенно никого?
- Совершенно, — сообщавший Аркадию прискорбную новость закатил глаза, — И никто не звонил.
- Третий день?
- Третий день. Я не думаю, что в такой поздний час кто-то вспомнит о своих сломанных ботинках.
Время граничило с вечером и полночью.
Но Аркадий давно уже выполнил всю ту работу, которой, казалось, только пару дней назад было по горло.
Он ушёл.
Тревожный.
Белая нить звучала.
Звучала накрывающей волной и обещанием.
Звучала.
Звучала всю жизнь.
Решил позвонить Есе.
Поговорить с ней.
Не с тревогой.
Хотя очень, очень хотелось узнать, что это за мелодия.
Что звучала громче и громче.
Нить натягивалась туже и туже.
Доставляла почти физическую боль.
Пришел домой.
Выпил стакан воды.
Голова трещала.
Мелодия.
Мелодия звучала так громко, что хотелось выть.
Но он лишь зажмурился.
И слегка прослезился.
Как в тот раз.
На концерте.
Тревожно.
Страшно.
Больно.

Громко.
Закрыв уши руками.
Открыл рот в немом крике.
Мелодия не играла полностью.
Она останавливалась на том моменте, когда начинался шторм.
Громче.
Больнее.
Страшнее.
Тревожнее.
Еси нет уже второй час.
Не отвечает на звонки.
Не пишет сообщения.
Страх потерять её.
Страх остаться без самого близкого, что может быть.
Может, она забыла?
Может, она не хочет, но боится сказать?
Может, он ей надоел?
Тревожно.
Страшно.
Больно.
Громко.
Закрыв рот.
Сжал ушки крепко-накрепко.
Тяжело дышит.
Звонок в дверь во всем звуковом балагане звучал как пение ангелов.
- Прости, там пришлось задержаться, а потом...
Есения.
Он крепко обнял её, уткнувшись носом в плечо.
- ...была ужасная пробка. Но я купила тебе пирожных...
Он сжал её крепче, выдыхая и покачиваясь.
Он сжал её крепче, чтобы все звуки уходили.
И они правда уходили.
Становились тише.
- ...чтобы извиниться.
Он поднял Есю на руки под её визг и отнёс к себе. Поведал о том, что слышал.
Ведь сам он разобраться не мог.
Услышал.
Слова.
Услышал, как мелодия стала успокаивать.
Голос гладил по ушам, обнимал, целовал в макушку:
- Ну... Твоя тревога останется лишь между нами. Я про неё никому не скажу. Я никому не скажу, что нам было больно.
Девушка встала, получив кучу объятий и внимания к её рассказу о причинах такой задержки.

Ночь смеркалась.
Луна не стремилась выходить и освещать, хотя с её ролью
отлично справлялись фонари.
Берёт за руку.
Ведёт.
Ведь их ждали пирожные.

ГЛАВА 4

- Это просто невозможно! - Аркадий схватился за голову, — Всё
крутится и вертится.
- Ну напой хоть.
Он тяжело выдохнул:
- От моего напевания толку столько же, сколько от тишины.
Еся погладила его.
Взяла за руку.
Пьяные чаем и сытые пирожными, они сидели в ночи.
Девушка села сзади, оглядывая его спину.
Аркадий обернулся.
Поморгал, смеясь:
- Что такое?
Стала мять плечи.
Холодные бледные ручки действовали неуверенно.
Но старательно.
- ... Что на тебя нашло? - он просипел, прикрывая глаза.
- Тише.
Спустя некоторое время, руки Еси устали.
Аркадий сидя посапывал.
Уложила его.
Выключила свет, зажгла свечу.
Света стало меньше.
- Вспомни хотя бы где услышал.
Где услышал?
На концерте.
Когда был совсем маленький.
Кажется, мама тоже обещала ему пирожные.
Сидит.
Скучает.
Дирижёр поклонился.
Название композиции было объявлено.
Но он не разобрал ни слова.
Лишь знакомые звуки.
Пытается вернуться.
Нет.
Не разбирает.
Видит лишь своё удивление.
- Еся! - он проснулся внезапно.

С криком.
В темноте.
Света уже не было.
Еси тоже.
Хотя лежащая на полу сумка через плечо с нарисованным солнышком могла заверить обратное.
Он практически бесшумно прошёл по собственной квартире.
И увидел погашенную свечу на кухонном столе.
Освещаемая луной, сидевшая за столом.
Спала Еся.
При лунном свете её соломенные волосы, собранные в причёску, выглядели очень удивительно.
Они мерцали.
Светились.
Как веснушки на её носу.
- Эй, Еся, — он попытался растормошить её.
Светлые, большие глаза Аркадия выглядели очень удивительно при лунном свете.
Они мерцали.
Светились.
Жалко, что никто не увидел этой красоты.
Этих звёзд в человеческих глазах.
Ведь девушка не просыпалась.
Тот взял её на руки и перенёс на свою кровать.
Где будет спать он сам?
Не важно.
Ничего уже не важно.

ГЛАВА 5

Дирижёр кланяется, разворачивается к оркестру.
Голос.
До боли знакомый голос объявляет название.
Он прислушался что есть сил.
И снова все смазано.
Просыпается.
- Слышно? - Еся сидела рядом, поглаживая его по спине.
- Ничего не слышно, — он схватился за голову, — Снова.
Она сочувственно глядела на него, отходящего ото сна и несущего бредни.
Погладила его, бросила:
- Отдыхай, Аркаша.
Следующий день Аркадий наконец-то провёл у своего рабочего места.
Из-за Еси.
- Какой ещё концерт и где?
- Ну... Вообще он будет в театре, — она обреченно протянула

ему туфли жемчужного цвета, — Нужно починить их до субботы.
И ещё...

Он оторвал взгляд от туфель и перевёл его на смущенную девушку:

- ...мне бы очень хотелось, чтобы ты был там.

- Еся, я же тебе говорил, что...

- Я знаю! - Есения впервые перебила его, за что в момент стало стыдно, — Но концерт будет последнего числа июня и я подумала, что ты сможешь... Ради меня.

Последнее число июня.

Юноша придавал этой дате большое значение.

Они увиделись детьми.

В лесу.

Около реки.

Последнего числа июня.

А через год снова увиделись.

В лесу.

Около реки.

Последнего числа июня.

Ещё через год, снова увиделись.

И вспомнили друг друга.

В лесу.

Около реки.

Последнего числа июня.

А еще через год ему надоело вспоминать её, и он решил увести её в кафе.

Ему надоело вспоминать её и он решил видеть её каждый день.

Аркадий даже поздравлял её с этим днем.

Так что пропустить концерт Еси последнего числа июня было бы преступлением.

А он был бы преступником.

ГЛАВА 6

Но, к счастью, никакой он не преступник, а просто сапожник.

- Еся, — Аркадий громко окликнул девушку и постучался в раздевалку, поймав на себе кучу осуждающих взглядов.

В ответ услышал такой же крик:

- Минуточку!

Он выдохнул, отпуская дверную ручку, как тут же к нему выбежала девушка со все той же причёской и в белом платье чуть ниже колена.

- Твои туфли, — он торжественно вручил ей пакет, сделал пару комплиментов.

Она лишь моргнула.

Улыбнулась.

Поблагодарила, очень нежно.

И убежала.
Очень мелодично.
Словно только что перед ним пролетел мотылек.
Судя по её спешке, пришла пора занять своё место в зале.
Однако вскоре он увидел очень много людей.
Одеты они были в разнообразную одежду.
Дирижёр встал.
Поклонился.
И зазвучала мелодия.
Неясная ему.
Как и все мелодии здесь.
Он лишь пытался найти среди всех этих людей Есю.
Искал долго, пока не наткнулся на знакомый взгляд смотрящих
прямо на него серых светлых глаз.
Светлые Есины глаза.
Вот только волосы Еси были распущенными.
Отводя взгляд от знакомых глаз, он осмотрел всю девушку.
Точно Еся.
Еся, девушка, которая волочила свои волосы по полу.
Еся, девушка, которой он приносил туфли полчаса назад.
Еся.
Девушка, которая скрипачка.
Её инструмент замолчал.
Как и множество других.
Дирижёр снова кланяется.
Знакомый звук, произносимый незнакомым голосом.
Знакомое все.
Тревога.
Тревога накатывает на него волной.
Волны тревоги.
Волны становились штормом.
До боли знакомым штормом.
До боли знакомая мелодия.
Скрипки.
Флейты.
Еся.
Её лицо.
Её закрытые глаза.
И внезапная улыбка.
Яснее неба.
Ярче солнечного луча.
Обещание.
Стирает слезы с его глаз.
И заставляет плакать снова.
Оркестр удалился под зрительские симпатии.
Аркадий как с цепи сорвался.

Побежал быстрее.
Быстрее.
Ещё быстрее.
Не нашёл нигде.
Нашел лишь на улице.
Увёл.
- Что такое? - она переложилась свои волосы на плечо.
- Это она, Еська!!
- ...кто?
- Ну... Последнее, что было сыграно.
- А, это... Никак не думала, что может оказаться ею, но...
Он вновь не дал ей договорить.
Прервал ее.
Поцелуем.
Разорвал.
Обнял.
- Сегодня ты просто восхитительная, Есения.
Есения.
Имя, звучащее самой нежной мелодией на его губах.
Мелодия, звучащая обещанием.
Есения.
Его обещание.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>